

Обычные лампы на угольных кристаллах так легко не взрываются. Эта штука, очевидно, была доработана.

Бандиты, за исключением одного, который пошёл посмотреть на своего товарища, с фонарями бросились туда, где, по их памяти, стоял Орвицка.

Бах! Бах-бах!

Пробежав всего пару шагов, двое бандитов впереди упали, а единственный источник света – фонарь – разбился. Остальные тут же залегли. Они пытались отползти обратно в дом, но из темноты выскочила тень.

Бах-бах-бах! Бах!

После серии выстрелов все бандиты были убиты.

Орвицка, прислонившись к стене, перезарядил пустой пистолет и ворвался в семьдесят третий дом. Первым делом он сбил огромную люстру, а затем уничтожил все светящиеся предметы в комнате.

Никто не вышел ему помешать. Первый этаж был пуст. Орвицка через открытую входную дверь видел, как снаружи стоит капитан. Он кричал, подстрекая соседей выйти "защищать свои дома" и "сражаться с оборотнем", но сам не решался войти.

Соседи сначала подняли шум, но мало кто поддался на его уговоры, особенно после того, как услышали интенсивную перестрелку и взрыв. Они осмеливались только продолжать делать вид. Те, кто действительно был готов выступить, сейчас уже были в патруле.

Бах!

Капитан, схватившись за бедро, с криком упал. Если он будет продолжать так шуметь, то возникнут проблемы.

Но в тот момент, когда Орвицка выстрелил, сверху бросили зажжённую динамитную шашку. Её фитиль был укорочен, и она взорвалась в воздухе!

Взрыв поджёг деревянную мебель в комнате, и тёмное пространство снова озарилось светом. Орвицка лежал на полу, шляпы не было, а верхняя одежда была разорвана в клочья.

На втором этаже из-за перил поднялся человек, опёрся на них и спрыгнул вниз. На его правой руке была странная перчатка, словно с длинными накладками на пальцах. Подойдя к Орвицке, он слегка наклонился и, подняв правую руку с железными когтями, замахнулся на его шею!

Орвицка внезапно двинулся, схватив мужчину за лодыжку и резко дёрнув! Тот потерял равновесие и опрокинулся назад. Орвицка бросился на него, собираясь его схватить. Худощавый мужчина, находясь под углом менее десяти градусов к полу, извернулся в воздухе, уклонившись от броска Орвицки. Он упал лицом вниз, перекатился в сторону, и, используя инерцию, вскочил на ноги, снова замахнувшись на Орвицку железными когтями.

Орвицка поднял руку для блока.

– !

Обычные железные когти не могли пробить его кожу, с этим проблем не было. Но сила

противника – вот в чём была проблема. Он был намного сильнее обычного человека.

Орвицка был несколько удивлён, но его руки не останавливались. Ему не нужно было беспокоиться о том, что он приложит слишком много силы и раздавит противника. Убить такого безумного убийцу – Орвицка не испытывал никаких угрызений совести, но были те, кто имел на это большее право. Семьям жертв нужно было дать возможность увидеть врага.

Противник, должно быть, был ещё более удивлён, чем Орвицка, но, так же не останавливаясь, он отвёл железные когти и снова атаковал.

Их огромные силы столкнулись. В момент столкновения кулака и железных когтей когти согнулись, и, издав несколько металлических звуков, сломались. Отлетевшие осколки металла поцарапали лицо Шеффри, и тот инстинктивно закрыл глаза.

Кулак Орвицки, сломав железные когти, не остановился, а продолжил движение вперёд и ударил Шеффри в закрытый глаз. Тот глухо застонал и, пошатнувшись, отступил назад.

Орвицка схватил его за шею, повалил на землю и надел наручники.

Шеффри был одет в обычный коричневый мужской костюм, но сейчас он был порван, местами обожжён огнём, местами разорван Орвицкой. Его внешность была поистине прекрасна, но сейчас, в мужской одежде, он не выглядел чрезмерно хрупким или женственным. Даже в рваной одежде он оставался красивым мужчиной.

– Ты... тоже? – заикаясь, спросил Шеффри, когда Орвицка поднял его. – Ты знаешь, кто мой отец?

– Я не знаю, о чём ты говоришь.

Орвицка не мог с уверенностью сказать, что тот – оборотень. Царапина на лице Шеффри не заживала, а из разорванного уголка глаза текла кровь. Может, он – полукровка, унаследовавший только часть силы?

Но кем бы он ни был, оборотнем или нет, это не имело значения. Сейчас у него был только один статус – убийца.

Орвицка, таща за собой Шеффри, сначала поднялся на второй этаж, чтобы убедиться, что там нет больше динамита, и только потом спустился и покинул семьдесят третий дом. Снаружи настоящий оборотень Джеймс как раз закончил перевязывать раненого в бедро капитана. Он огляделся, и Эдмонд, высунувшись из-за угла переулочка, помахал ему.

У окон и дверей соседних зданий всё ещё стояло много вооружённых людей, но они лишь настороженно наблюдали, не атакая.

Недалеко, в отдалении, бежали полицейские и патрульные. Орвицка бросил Шеффри на землю, велел оборотню присмотреть за ним и собрался войти в дом, чтобы потушить пожар. Если в таких заблокированных домах огонь выйдет из-под контроля, то пострадает весь квартал.

– Мой напарник сейчас на вокзале Хаарлема. Он, как и Каско, обвязан динамитом. Я уже собирался уезжать, покинуть этот город, – Шеффри посмотрел на Орвицку с укором в глазах. – Если завтра, когда придёт поезд, он меня не увидит, то он сядет в поезд, и тогда... бум!

Подшли другие полицейские.

Орвицка крикнул:

– Найдите карету, мы едем на вокзал!

– Он не появится, даже если увидит, что меня захватили, – кричал Шеффри. – Он всё равно сядет в поезд, и тогда сотни, тысячи людей погибнут, будут искалечены, и виноваты во всём этом будете вы, полицейские. Ха-ха-ха!

Он безумно рассмеялся. Даже с искажённым лицом и ранами, его лицо оставалось прекрасным. Но именно поэтому оно и вызывало ещё больший ужас.

Когда приехала полиция, стало проще. Лежавший на земле капитан, моргнув пару раз, заговорил:

– Меня заставили, господа офицеры! Этот парень сказал мне, что заложил в канализации кучу динамита и угольных кристаллов. Если я его не послушаюсь, он взорвёт весь квартал! Я делал всё это только для того, чтобы защитить наш квартал!

Он кричал во всё горло. Прибежавшие полицейские и патрульные слышали его, и те, кто стоял на страже с оружием, тоже слышали.

Все изменились в лице. Люди, которые до этого не выходили помогать (хотя их помощь была бы скорее помехой), теперь начали выбегать, требуя, чтобы им всё объяснили, прежде чем уезжать.

– Всем жителям Ланкастер-стрит эвакуироваться! Оборотень пойман, вы можете временно покинуть это место и перебраться в другие дома или гостиницы, – Эдмонд выскочил из переулка и начал наводить порядок.

– С какой стати мы должны переезжать?

– Сначала разберитесь с динамитом и угольными кристаллами, а потом уезжайте!

– У нас здесь всё было хорошо, а как только вы, полицейские, приехали, так сразу появился какой-то динамит.

– А если мы уйдём, наши вещи не украдут?

– Шеффри – оборотень? Вы, полицейские, просто схватили доброго человека и обвинили его?

– О, Свет, лицо Шеффри... кто его ударил?

Первые вопросы, хоть и вызывали досаду, были понятны. Но когда некоторые мужчины разглядели, кого тащит Орвицка, их слова перестали походить на человеческие.

Шеффри сейчас выглядел ужасно. Его подбитый глаз быстро опухал, так что и второй с трудом открывался. Он спокойно смотрел на происходящее, без всякого выражения на лице.

Орвицка торопился на вокзал, а эти люди перегородили дорогу.

– Преступник сам признался! Под землёй здесь действительно заложено большое количество динамита и угольных кристаллов! Они могут взорваться в любой момент! – громко крикнул Орвицка. Одного раза было мало, пришлось повторить. – Преступник сам признался! Под землёй здесь...

В толпе, окружившей полицейских, кто-то изменился в лице и ушёл.

Эдмонд сообразил и тоже начал кричать вместе с Орвицкой.

– Взорвётся в любой момент!

– Сейчас взорвётся!

Всё больше и больше людей поворачивались и убегали. Не только жители окрестных домов, но и некоторые патрульные бросали оружие и бежали домой, теряя на бегу шляпы.

– Джеймс, за мной. Любые двое полицейских, мы едем на вокзал, – Орвицка сел в лёгкую карету, которая раньше принадлежала капитану.

Но таким образом, вместе с Шеффри, карета была заполнена. В такую лёгкую карету обычно садилось четверо, но Шеффри был худ, а главное – он был пленником, так что его можно было просто втиснуть в заднюю часть экипажа.

Эдмонд держался за дверь кареты.

Орвицка указал на Шеффри:

– У этого парня есть сообщник на вокзале, тоже с динамитом. Ты отвечаешь за это место, будь осторожен.

Эдмонд, услышав это, отпустил руку.

Одна лошадь, везущая пятерых мужчин, направилась к вокзалу.

Как и следовало ожидать, случилась неожиданность – лошадь встала...

Кроме Шеффри, остальные четверо мужчин весили в сумме около тысячи фунтов. А лошадь была старой. То, что она пробежала половину пути, уже было большим достижением.

Поблизости не было ни каретных дворов, ни богатых домов с собственными каретами. Им пришлось бежать почти полчаса. За это время Орвицка нашёл старую лавку одежды, постучал, вошёл и купил себе верхнюю одежду, а Шеффри – рваный плащ, чтобы по дороге их не приняли за кого-то другого. Наконец, им повезло встретить наёмную карету, которая как раз ехала на вокзал встречать пассажиров утреннего поезда.

– Придётся вам немного позже встретить пассажиров на вокзале.

Приехав на вокзал, нельзя было просто так отпустить кучера встречать людей. Вдруг он скажет что-то лишнее пассажирам, сообщник Шеффри услышит, и тогда все взлетят на воздух.

Орвицка однажды уже сумел голыми руками потушить динамитную шашку, но лишь потому, что противник был рядом. На большом расстоянии он не был уверен, что его скорости хватит, чтобы опередить горящий фитиль. Он не боялся, но не мог рисковать жизнями невинных людей.

В общем, чтобы избежать неприятностей, внутрь пошёл оборотень Джеймс. Орвицка велел двум полицейским и кучеру отдохнуть в карете.

– Вы в форме, если вас увидят, они могут насторожиться заранее.

Двое полицейских не возражали. Орвицка и Шеффри, плотно закутанный в большой плащ, один стоял, другой сидел на краю тротуара. Они выглядели как слуги, встречающие своего хозяина.

- Он тоже не человек? - спросил Шеффри.

Орвицка не ответил.

- Я думал, нас мало, но, оказывается, так много?

- Мы и ты - это не "мы".

- ...Потому что я не чистокровный?

- Нет, потому что ты - убийца, а я - полицейский. По происхождению я тоже не чистокровный.

Поскольку он мог видеть только одним глазом, Шеффри мог только склонить голову набок, но так он как раз и повернул к Орвицке свою поцарапанную щеку. Это "побитое" красивое лицо было прекрасно в своей несовершенности.

- Сильные и милосердные... так вас учили? - он вздохнул. - Какая жалость, что я встретил вас только сейчас. Я...

Орвицка внезапно протянул руку и коснулся шеи Шеффри. Тот испугался, его лицо покраснело:

- Ты...

В следующую секунду Орвицка расстегнул его воротник и вытащил ожерелье. Оно было тонким, но изысканной работы, украшено мелкими изумрудами, а подвеской был милый маленький кролик.

Орвицка не стал грубо срывать ожерелье, а осторожно расстегнул его и положил в свой карман.

Шеффри опустил голову и заплакал. Обычно люди, когда плачут, выглядят не очень красиво, ведь у них искажаются черты лица. Но он плакал так, словно это было снято для телесериала: слёзы катились одна за другой, брови были слегка нахмурены, губы дрожали. Это было достойно награды за лучшую сцену плача.

- Мне очень жаль. Я выбрал самый неправильный путь и совершил самые ужасные поступки. Я не думал, что стану таким чудовищем, но тогда я уже не мог повернуть назад. Потому что меня нашли другие люди, и я стал их марионеткой. Если я не слушался, они обращались со мной очень жестоко.

Говоря о "послушании", Шеффри даже вздрогнул.

- Мне действительно очень жаль. Я был напуган. Я думал, вы тоже такой, как они, поэтому даже угрожал вам тем, что случится на вокзале. Но теперь я понял, вы - хороший человек, такой хороший, какого я никогда не встречал, добрый и сильный. Я готов всё рассказать и принять любое ваше наказание.

У Орвицки пошли мурашки по коже, но этот парень действительно начал признаваться. Только его "манера" признания была немного странной: он начал с самого детства. Сначала Орвицка

был немного нетерпелив, но по мере его рассказа выражение лица Орвицки изменилось.

– Я вырос с тётей. В детстве она часто наряжала меня и водила в парк, чтобы я играл там с другими детьми. Она давала нам конфеты. Я их ел, и со мной ничего не случалось, а другие дети быстро засыпали. Мы вместе шли домой, они играли со мной всего несколько дней, а потом исчезали.

Когда я вырос, я понял, что это значит. На самом деле, я подозреваю, что и меня она похитила, иначе почему у меня нет фамилии...

Этот псевдо-оборотень с детства участвовал в похищениях, кражах, мошенничестве. Потому что он с детства был очень красивым, и, когда его одевали чисто и опрятно, он легко завоёвывал симпатию своих жертв, заставляя их терять бдительность.

Когда он почти достиг совершеннолетия, будучи бездомным артистом с поразительной внешностью, он чувствовал себя совершенно незащищённым. С ним случалось много плохого, пока он не встретил мужчину, который его защитил. Тот был к нему добр и нежен, и, казалось, не имел никаких корыстных намерений. И тогда он начал с этим человеком настоящие отношения.

А потом тот его обманул.

Орвицка слушал очень внимательно. На лице Шеффри было раскаяние и боль:

– ...Тогда я думал, что такой прекрасный мир, очевидно, не для меня. Я поехал в деревню на ярмарку, чтобы развеяться, но там встретил ужасного человека. Он шёл за мной и намеревался сделать что-то ещё хуже.

Моя собака защитила меня, но эта сцена была слишком ужасна. Его просто разорвали на куски.

Шеффри вздохнул, но не получил никакого ответа:

– Большое спасибо, что вы так внимательно слушали мой рассказ.

– Не за что. Многие ваши случаи очень типичны, я их запомнил, и в будущем буду рассказывать о них другим.

Вернувшись, он должен был добавить в свою серию "Неудачник Джозеф" несколько описаний подобных методов.

Остерегайтесь незнакомцев, будь то мужчины, женщины, старики или дети. Быть добрым – это правильно, но только при условии обеспечения собственной безопасности. Если что-то случилось, обращайтесь в полицию.

Шеффри, со слезами на щеках, явно не ожидал такого ответа:

– ...

Орвицка немного беспокоился за Джеймса. Тот уже некоторое время был внутри. Но этот господин Шеффри был слишком силен. Будь на его месте кто-то другой, даже гетеросексуал, он бы проникся к нему некоторым сочувствием. А если бы появилось сочувствие, то что могло бы случиться дальше, сказать было трудно.

Поэтому, когда Орвицка посмотрел на Шеффри, тот почувствовал холодок по спине.

Джеймс вернулся. Если бы он опоздал ещё на тридцать секунд, Орвицка сломал бы Шеффри руки и ноги. Но, пробыв внутри так долго, Джеймс всё ещё был один, без преступника.

- Я нашёл двух человек, от которых пахло динамитом. Но от них не пахло Шеффри, и у них не было динамита. Я проверил ещё два раза, но так и не нашёл.

- Раз уж вы признали свою вину, не могли бы вы рассказать о динамите?

- ...Может, отпустите меня? - Шеффри, похоже, наконец понял, что Орвицка не собирается его жалеть, и стал более искренним. - Я осознал свою ошибку и больше не буду убивать невинных. Я знаю, что в этом мире есть такие сильные, как вы, и меня обязательно поймают.

Как типично. Типичное "Раскаиваешься? Раскаиваюсь, очень раскаиваюсь, что попался".

Орвицка приподнял бровь. На руках у этого парня определённо были и другие дела, не только убийства за последние полгода, и не только преступления, в которых его использовали в детстве. Он определённо делал что-то ещё.

Такое громкое убийство - это просто выплеск его плохого настроения, потому что он был уверен, что его не поймают.

Орвицка даже почувствовал некоторое облегчение - облегчение от того, что этот парень поднял такой шум и привлёк его внимание. Иначе, если бы он продолжал расти в тени, во что бы он превратился, сказать было трудно.

Орвицка помолчал немного.

Шеффри сказал:

- Вы можете арестовать и тех двоих. Поверьте, они ничего не скажут, они мне очень преданы. На самом деле, за исключением немногих, большинство мне очень преданы.

Орвицка внезапно шагнул вперёд, засунул Шеффри в рот платок, а затем, под четыре громких хруста, Шеффри рухнул на землю, не в силах пошевелиться. Под рваным плащом его скованных за спиной рук не было видно, но когда Орвицка поднял его, его ноги болтались слишком свободно, как у марионетки.

"Он не сломал ему конечности, а просто вывихнул их в суставах".

Он открыл дверь кареты и бросил его внутрь. Сильная боль заставила Шеффри дёргаться, но без опоры на конечности этого почти не было видно.

Орвицка и Джеймс вошли в зал ожидания и, не теряя времени, схватили двух мужчин, от которых пахло динамитом. На вокзале никто не вмешивался, транспортная полиция отворачивалась, делая вид, что ничего не видит.

Вытащив двоих, Орвицка снова вытащил Шеффри. Рот его всё ещё был заткнут. Он снял с него наручники и, ничего не спрашивая, сломал ему три пальца. Шеффри от боли потерял сознание, а потом снова пришёл в себя. Даже с заткнутым ртом из его горла вырывались мучительные крики.

- Где динамит? Не скажешь - продолжу ломать.

Разве они не преданы Шеффри? Что ж, Орвицка решил воспользоваться этой преданностью.

И, как оказалось, это сработало.

На Ланкастер-стрит динамита не было, это была просто выдумка капитана. Остальной динамит был заложен под платформой и в туалете, и его уже нашли.

Кроме того, по показаниям этих двоих, тот, кто должен был здесь командовать – тот самый, к кому Шеффри ходил на свидания, рискуя всем – уже давно сбежал. Его прозвище было Старый Отец, он был крупным вором, и его поймали за кражу украшений в гостинице. Для него это было всё равно что поскользнуться на ровном месте.

Когда они вернулись в участок, уже рассвело.

Для Орвицки это был, можно сказать, богатый улов.

Когда он вытаскивал Шеффри из кареты, тот от боли был весь в соплях и слезах, и теперь его плач не был таким красивым. Но, к его удивлению, по обе стороны от входа в участок стояло много людей, все они были прилично одеты, и они выкрикивали имя Шеффри.

– Это точно ошибка!

– Вы схватили невинного!

– Шеффри! Шеффри! Не бойся! Я тебе помогу!

В толпе была даже беременная женщина. Полицейские выстроились в живую цепь, чтобы отделить их. Орвицка, таща за собой Шеффри, вошёл в участок. Два журналиста ждали его у входа. Фотограф Тинни поднял свою камеру, и Орвицка специально попозировал ему.

– Спасибо.

Сделав снимок, Розенберг подошёл и спросил:

– Видел ту беременную снаружи?

– Его ребёнок?

– Тот дом, который ты вчера взорвал, – её. Её мужа Шеффри убил в середине прошлого года, но их семья до сих пор это скрывала. Угадай, кто она.

– ...Жена его любовника?

– Да. И не только. До твоего приезда здесь были и её отец с матерью, все просили за Шеффри. Но после разговора с мэром они ушли, – Розенберг пожал плечами. – Похоже, у них ещё остался какой-то разум.

Как нормальному человеку, этот мир всегда казался слишком уж фантастическим.

– Готовьтесь, мы возвращаемся домой, – сказал Орвицка, и в его серых глазах, обычно холодных, как сталь, блеснул тёплый, живой свет.